

Глава 1

Дальнее плавание

На моем рабочем столе лежит осколок камня. Это серый матовый камень размером не более моего кулака, и он покоится на планах и чертежах нового предприятия. Рядом с ним лежит газетная вырезка с фотоснимком могилы и маленькой норвежской церкви на заднем плане. Планы принадлежат будущему, а газетная вырезка прошлому. Прошлое и будущее представляют собой часть Джорджа Фарнелла, потому что его история подобна тончайшей нити, соединяющей события, благодаря которым этот проект стал возможен. То, о чем он мечтал, обретает очертания там, у замерзшего озера. Если я выключу настольную лампу и отдерну шторы, то увижу недостроенные здания, сгорбившиеся под балдахином из снега. Позади них в холодной ночи возвышается Йокулун. А на ледниковом фланге гор Блаайсен — Синий Лед — отражает лунный свет своими ледяными челюстями и оскалом зубов. Это дикое и гиблое

место. И все же сразу под моим окном подобно двум линиям мерцает железная дорога, дотянувшаяся сюда в 1908 году. Стоит задернуть шторы и включить свет, и вас тут же окружают тепло и уют, доказывающие неукротимость воли человека в покорении природы. Ночи сейчас длинные, и у меня есть время описать события, которые привели к этому новому предприятию, и историю Джорджа Фарнелла в том виде, в котором нам удалось ее воссоздать. Потому что это памятник его достижениям. И я хочу, чтобы мир знал, что все это существует благодаря ему.

Мое появление в этой истории объясняется моим знанием металлов. Но тогда я о металлах и думать забыл. Я думал о припасах и штормовых парусах, а также масле для дизеля и прочей атрибутике плавания на яхте. Я занимался тем, чем всегда мечтал заниматься. Я отправлялся в дальнее плавание на своем собственном судне.

Я совершенно отчетливо помню то утро. Было начало апреля, и холодный ветер взбивал грязную воду Темзы в белые барашки. На противоположном берегу реки на фоне рваных серых туч каменные башни Тауэра казались совсем белыми. Над нашими головами рокотал оживленным движением Тауэрский мост. Рабочие группами стояли у парапета, наблюдая за тем, как мы налегаем на новый грот. В воздухе стоял удушливый аромат солода. Чайки кружили с пронзительными криками. А около нас то и дело проскальзывали быстроходные суда.

Описать чувства восторга и предвкушения, владевшие моей душой в тот день, будет нелегко. Даже чайки, казалось, своими криками подгоняли нас, призывая торопиться. Ветер запальчиво трепал паруса яхты и ерошил волны, плескавшиеся о наш свежепокрашенный корпус, и торжествующе гудел в такелаже. Долгие поиски судна и месяцы переоснастки, а затем и кропотливого обеспечения яхты

припасами — все это ради одного-единственного дня. Наступило напряженное ожидание. На рассвете нам предстояло воспользоваться отливом и скользнуть вниз по реке, чтобы затем взять курс в Средиземное море.

Всего месяц назад этот момент казался несбыточной мечтой. В этот период моя жизнь была подчинена решению проблем нехватки материалов и рабочих рук, руководству работами на яхте. Одновременно приходилось прочесывать зарубежные рынки, занимаясь делами фирмы. Моя должность называлась менеджер по производству компании «Би Эм энд Ай», занимавшейся заготовками металла и металлообработкой. Вскрабаться в этот просторный офис в бетонном здании на окраине Бирмингема я сумел исключительно за счет целеустремленности и энергичности. Ну и, конечно, я был обязан этим шахте по добыче никеля, который я нашел в Канаде. Я занимался этим всю войну. И мне это нравилось. Но теперь с этим было покончено. Вы скажете, что в тридцатишестилетнем возрасте (а именно столько мне тогда было) неправильно все бросать, особенно учитывая хаос, в котором находилась страна. Видите ли, по крови я наполовину канадец, и к тому же скряга по натуре. И я предпочитаю знать, с чем сражаюсь. Биться же, не имея свободы действий и под беспрестанным контролем, невозможно. Благодаря войне я смог дать волю своей предприимчивости. Мир тут же наложил на нее ограничения.

Дик Эверард — отличный пример того, о чем я говорю. Истинный сын Британии, высокий веснушчатый парень с копной светлых волос. Несгибаемой целеустремленностью и честностью он обязан дисциплине, царящей в военно-морском флоте, офицером которого он некогда являлся. В двадцать он был рядовым матросом, а к двадцати четырем годам дослужился до лейтенанта и взвалил на себя неподъемную ответственность, получив под свое начало

патрульный корабль с экипажем и снаряжением стоимостью почти в миллион фунтов. Но сейчас, в свои двадцать восемь, он отказался от военной карьеры, всецело сосредоточившись на яхте. Двое остальных членов экипажа — Уилсон и Картер — совсем другое дело. Они просто нанятые нами матросы. Это их работа. Но у Дика нет работы. Он отправляется в море в поисках приключений, потому что у него нет лучших предложений, зато ему хочется увидеть и оценить возможности других стран.

Опершись на утлегарь, я наблюдал за тем, как ловко он крепит угол паруса к грота-гафелю, и мне невольно подумалось, как много теряет наша страна в лице таких, как он. Слишком многие ее уже покинули. Он встретился со мной взглядом и улыбнулся.

— Ну что, Билл, тяни, — предложил он.

С помощью Картера, налегшего на фал, мы подняли грот, и белоснежное полотнище затрепетало на фоне темных складов и пакгаузов.

— Все в порядке, — с довольным видом заявил Дик.

Я окинул взглядом выдраенную палубу. Все канаты были аккуратно свернуты, и все лежало на местах. Тускло поблескивали латунные детали. Это был изумительный корабль — двухмачтовое судно водоизмещением в пятьдесят тонн с гафельными парусами, построенное еще в те времена, когда корабли бороздили самые отдаленные моря-океаны. Я полностью сменил его внутреннюю отделку и поставил новую грот-мачту. Оснастка была новой, как и паруса, более мощный двигатель занял место запасного. Впервые с того времени, как окончилась война, я ощутил, что мир лежит у моих ног. У меня было все необходимое, включая запас топлива и экипаж, и в мире не нашлось бы места, куда меня не смог бы доставить мой «Дивайнер».

Дик прочел мои мысли.

— С попутным ветром мы уже через неделю окажемся на солнышке, — произнес он, щурясь на несущиеся по небу серые облака.

Я поднял голову и посмотрел на туристов, с завистью наблюдавших за нами с Тауэрского моста.

— Да, — согласился я. — В Алжире, Неаполе, Пирее, Порт-Саиде...

И тут я увидел сэра Клинтона Манна, который пересекал пристань. Сэр Клинтон — председатель правления «Би Эм энд Ай» — это высокий мужчина с сутулыми плечами и резковатыми манерами. Он пришел в бизнес из Сити и символизировал собой деньги и статистику. От пота и пыли производства он был далек, как член кабинета министров. Он взобрался на палубу, а я подумал, что в своей элегантной шляпе он гораздо уместнее смотрелся бы в Сити.

— Доброе утро, сэр Клинтон, — вслух произнес я, про себя недоумевая по поводу его появления.

Он холодно наблюдал за тем, как я иду ему навстречу, а я остро осознал, какой у меня грязный свитер, не говоря уже о брюках. Ранее я встречался с ним только в правлении банка.

— Возможно, вы хотите осмотреть судно, — предположил я.

— Нет, Гансерт, — покачал головой гость. — Я пришел по делу. Когда вы отправляетесь в плавание?

— Завтра, — ответил я, провожая его вглубь каюты. — С утренним отливом.

— Вы идете в Средиземное море?

Я кивнул.

— Я хочу, чтобы вы изменили планы, Гансерт, — неожиданно заявил он. — Я хочу, чтобы вместо этого вы отправились в Норвегию.